

В.4. Трансплантация почки

Структурные изменения периферических артерий как предиктор атеросклеротического поражения коронарных артерий у реципиентов аллогенного трансплантата почки

Г.В. Волгина, Н.А. Грябина, А.Э. Радзевич

Московский государственный медико-стоматологический университет, г. Москва, Россия

Кардиоваскулярные заболевания (КВЗ) являются одной из основных причин смертности реципиентов аллогенного трансплантата почки (АТП) и одним из наиболее важных факторов, определяющих выживаемость почечного трансплантата. Важная роль в возникновении КВЗ отводится атеросклеротическим поражениям сосудов, ведущим к коронарной болезни сердца (КБС), цереброваскулярным нарушениям, окклюзии сосудов нижних конечностей и др. Структурные изменения артерий различного калибра в течение ряда лет могут протекать без клинических симптомов заболевания. Так, при обследовании пациентов с ХПН перед проведением АТП отмечено высокое распространение (30-50% наблюдений) безболевой ишемии миокарда. Первыми клиническими проявлениями КБС, более чем в 50% случаев, были стенокардия или острый инфаркт миокарда. При этом приблизительно у 25% пациентов не выявляли существенного сужения эпикардиальных коронарных артерий. Учитывая, что со времени появления клинических симптомов, сосудистые и сердечные изменения являются неблагоприятными и трудно регрессируют при терапевтических вмешательствах, раннее выявление атеросклеротического поражения периферических, коронарных артерий особенно важно, так как они наблюдаются у большинства пациентов при всех методах ЗПТ, включая АТП. Современные ультразвуковые методы исследования позволяют диагностировать подобные нарушения на ранних стадиях.

Целью исследования явилось изучение взаимосвязи между ремоделированием сонных и бедренных артерий и атеросклеротическим поражением коронарных артерий у реципиентов АТП.

Материалы и методы. В исследование включено 128 реципиентов АТП (84 муж, 44 жен) в возрасте от 16 до 66 лет (медиана 43 лет [33; 52,5]). Длительность посттрансплантационного периода составила от 1 до 240 мес., медиана 29,5 мес. [11,5; 73]. Возраст пациентов находился в диапазоне от 15 до 83 лет (в среднем $45,4 \pm 15,0$ лет). В зависимости от наличия или отсутствия КБС пациенты были разделены на две группы. Группу контроля составили 15 здоровых субъектов, сопоставимых по полу и возрасту.

Для оценки состояния пациентов применялись общеклинические методы исследования. Исследование сердца и периферических сосудов проводилось на ультразвуковой системе «Voluson expert 730» (Rosslyn medical, Австрия) в М-модальном, В-модальном режимах, режимах импульсно-волнового сканирования, цветного доплеровского картирования и триплексного ультразвукового сканирования датчиками с частотой ультразвуковых колебаний 3,5–7,0 МГц. Измерения осу-

ществлялись согласно рекомендациям американского Общества Эхокардиографии.

Результаты. Среди 128 обследованных реципиентов АТП КБС диагностирована у 65 (50,8%), среди которых 29 (44,6%) пациентов перенесли инфаркт миокарда, 17 (26,2%) страдали стенокардией напряжения ФК II-III, у 15 (23,1%) при холтеровском мониторинге ЭКГ выявлена безболевая ишемия миокарда, у 17 (26,2) пациентов при ЭхоКГ исследовании – нарушение сегментарной сократимости миокарда. Отмечена достоверно более высокая частота цереброваскулярной болезни при наличии КБС, чем при ее отсутствии ($p < 0,001$).

Выявлены достоверные различия в частоте некоторых традиционных потенциальных факторов риска атеросклероза между группами реципиентов АТП с КБС и при ее отсутствии. Так, реципиенты АТП с КБС были старше ($p = 0,007$) и чаще курили ($p < 0,05$). Установлено, что при развитии СД 2 типа, индуцированного иммуносупрессивной терапией, достоверно чаще регистрировалась КБС, чем при его отсутствии (12,3% и 1,6%, соответственно; $p = 0,04$). В то же время достоверных различий в частоте КБС при наличии СД 1 типа не установлено. Гиперхолестеринемия и более высокие уровни систолического и диастолического АД были характерны для всей популяции пациентов с АТП в целом вне зависимости от наличия или отсутствия КБС. Показатели уровней Сг в сыворотке крови и суточной протеинурии были достоверно выше у пациентов с КБС, а ССг – достоверно ниже, по сравнению с реципиентами АТП без КБС, что свидетельствовало о более частой дисфункции почечного трансплантата при наличии КБС. Кроме того, выявлена взаимосвязь между уровнем суточной протеинурии и толщиной КИМ артерий ($r = 0,20$; $p < 0,05$).

Установлены статистически значимые межгрупповые различия доплерографических показателей, характеризующих состояние сосудистой стенки сонных (ОСА) и феморальных артерий (ОБА), наличие и степень стеноза, а так же частоту и структуру атеросклеротических бляшек у реципиентов АТП и в группе контроля. При этом наиболее показательной являлась величина КИМ ОСА и ОБА, которая была достоверно выше в группе реципиентов АТП вне зависимости от наличия или отсутствия КБС по сравнению с группой контроля. В то же время среди реципиентов АТП толщина КИМ СА и ОБА была значимо выше при наличии КБС ($p = 0,003$ и $p < 0,001$, соответственно). Кроме того, были выявлены статистически значимые ассоциации между толщиной КИМ ОСА и ОБА ($r = 0,76$; $p < 0,001$ и $r = 0,79$; $p < 0,001$, соответственно), частотой стенозов

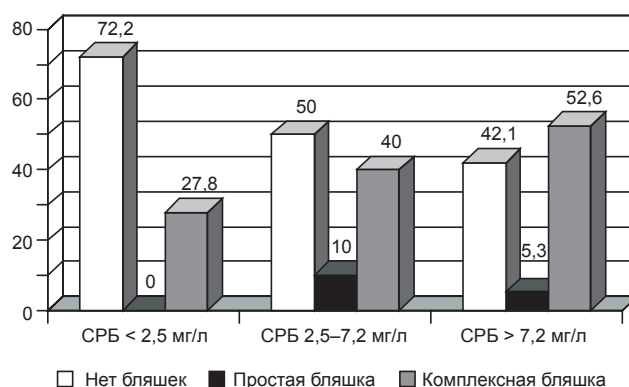
ОСА и ОБА ($r = 0,79$; $p < 0,001$ и $r = 0,75$; $p < 0,001$, соответственно) и возрастом пациентов с АТП.

Установлена связь между толщиной КИМ и наличием атеросклеротических бляшек в артериях, которые были выявлены у 48 из 96 реципиентов АТП и только у одного из 15 субъектов группы контроля. Так, частота атеросклеротических бляшек в группе контроля составила 6,7% случаев, в то время как у реципиентов АТП при отсутствии КБС – 27,1%, а при ее наличии – 86,5% наблюдений.

Необходимо отметить, что, несмотря на достоверно более частое наличие стеноза ОСА и сочетанного стеноза ОСА и ОБА (35,1% и 51,4% случаев, соответственно) у реципиентов АТП с КБС, у пациентов с АТП без КБС также выявлялся бессимптомный стеноз ОСА и сочетанный стеноз ОСА с ОБА, составивший 11% и 15,2% наблюдений ($p = 0,013$ и $p < 0,001$, соответственно).

Установлена достоверная взаимосвязь между толщиной КИМ ОСА и ОБА ($r = 0,27$; $p < 0,002$ и $r = 0,25$; $p = 0,012$, соответственно), частотой стеноза ОСА и ОБА ($r = 0,35$; $p < 0,001$ и $r = 0,29$; $p = 0,003$, соответственно) и длительностью периода после трансплантации почки.

Так, наличие атеросклеротических бляшек в ОСА было достоверно связано с мужским полом ($p = 0,003$), возрастом ($p < 0,001$), более высоким уровнем холестерина ($p < 0,001$), большим ИМТ ($p = 0,013$) и длительностью периода после АТП ($p < 0,001$). Кроме того, наличие атеросклеротических бляшек в ОСА сочеталось с увеличением толщины КИМ ОСА и ОБА ($p < 0,001$). Следует отметить наличие более высоких уровней суточной протеинурии ($p = 0,027$) и СРБ ($p < 0,05$) у пациентов с атеросклеротическими бляшками. При этом выявлена взаимосвязь между концентрацией СРБ, частотой выявления атеросклеротических бляшек и их структурными изменениями (рис. 1).

Рис. 1. Зависимость между концентрацией СРБ, частотой выявления атеросклеротических бляшек и их структурными изменениями

Заключение. У реципиентов АТП с большой частотой выявляются структурные изменения в ОСА и ОБА вне зависимости от наличия или отсутствия КБС. Установлена взаимосвязь между структурными изменениями периферических артерий и традиционными потенциальными факторами риска атеросклероза для всей популяции пациентов с АТП (гиперлипидемия, артериальная гипертензия), возрастом, курением, длительностью посттрансплантационного периода, наличием СД 2 типа, уровнями СРБ и суточной протеинурии – при наличии КБС. Наличие прямой корреляционной связи между структурными изменениями ОСА и ОБА и частотой КБС дает основание утверждать, что подобные изменения у бессимптомных реципиентов АТП могут являться ранними предикторами атеросклеротического поражения коронарных артерий.

Оптимизация иммуносупрессивной терапии у больных с терминальной почечной недостаточностью после трансплантации почки

П.В. Глыбочко, А.Б. Полозов, А.М. Попков, Б.И. Блюмберг, А.Н. Россоловский, В.Н. Мартынов, Д.Н. Хотько
НИИ фундаментальной и клинической уронефрологии, при ГОУ ВПО Саратовский ГМУ Росздрава; г. Саратов, Россия

На протяжении последних лет число выявляемых больных с хронической болезнью почек неуклонно растет и составляет по разным данным около 100 человек на 1 миллион населения. В настоящее время не все пациенты имеют возможность получать адекватную заместительную почечную терапию, в основном из-за нехватки диализных мест и диализных центров. Методом выбора лечения больных с терминальной почечной недостаточностью на ряду с программным гемодиализом является трансплантация почки.

В отделении реконструктивной уронефрологии и пересадки почки на базе клинической больницы № 3 СГМУ за 2005–2007 годы выполнено 20 трансплантаций почки от живого родственного донора больным с терминальной почечной недостаточностью вызванной

как хроническим гломерулонефритом, так и урологической патологией.

Все пациенты были разделены на две группы, различающиеся по схеме иммуносупрессии: первая группа сравнения составляла 8 человек, вторая, основная, группа – 12 человек.

Техника выполнения оперативного вмешательства была стандартной: почечную артерию анастомозировали с внутренней подвздошной артерией «конец в конец», почечную вену с наружной подвздошной веной – по типу «конец в бок», а также формировали пузырно-мочеточниковый анастомоз по Мебелю–Брауну–Шумакову. Лишь в 3-х случаях был выполнен уретеро-пиелоанастомоз с установкой «стент-дренажа».

Всем больным в послеоперационном периоде проводили базисную иммуносупрессивную терапию,

включающую стероиды, цитостатики, циклоспорин А. В 8-и случаях пациенты получали традиционную трехкомпонентную базисную иммуносупрессию (азотиоприн 2 мг/кг; метипред из расчета 0,5 мг/кг по преднизолону; сандимун-неорал 6 мг/кг).

Следует отметить, что инициальная доза сандимун-неорала в этих случаях составляла 6 мг на кг массы тела и контролировалась определением его концентрации в сыворотке крови не реже 2 раз в неделю (C0–C2).

В этой группе больных терапевтическая концентрация препарата достигалась к началу третьей недели. Это позволяло избегать циклоспориновой нефротоксичности, однако иммуносупрессивный эффект, по видимому, был недостаточен. Всем пациентам этой группы на 5–7 сутки после операции в связи с необходимостью терапии острого криза отторжения, проявлявшемся как клинически, так и подтвержденным данными ультрасонографии и доплерографии трансплантата, проводили болюсное введение «Солумедрола» в дозе 125–500 мг на протяжении 4–6 суток.

В основной группе, составлявшей 12 человек, протокол иммуносупрессивной терапии был несколько изменен. К терапии был добавлен «Зенопакс» (даклизумаб), являющийся препаратом гуманизированных моноклональных антител в дозе 1 мг/кг. Кратность введения препарата – каждые две недели, от 3 до 5 введений, в зависимости от степени иммунологического риска. Произведена замена цитостатика азотиоприна на производные микофеноловой кислоты – микофенолата мофетил «Селлсепт», в дозе 2000 мг в сутки, или мофетил микофенолат «Майфортик» в дозе 1440 мг в сутки. Инициальная доза сандимун-неорала была увеличена до 8 мг/кг массы тела. Стероидная терапия осталась в прежнем объеме. Пяти больным терапия

«Метипредом» и «Селлсептом» была назначена за 2 суток до предполагаемой трансплантации.

Увеличение дозы «Сандимун-Неорала» до 8 мг/кг массы тела на фоне четырехкомпонентной иммуносупрессивной терапии приводило к более быстрому (к началу 2-й недели) достижению терапевтической концентрации препарата в сыворотке крови. Использование больших доз «Сандимун-Неорала» в сочетании с «Зенопаксом» значительно повышало иммуносупрессивный эффект. Более частое (до 3 раз в неделю) мониторирование концентрации циклоспорина в сыворотке крови позволяло избегать циклоспориновой токсичности. В диагностике циклоспориновой токсичности важную роль играли данные ультразвукового исследования.

Пульс-терапия «Солумедролом» при констатированном кризе отторжения с минимальными клиническими проявлениями была проведена лишь у двух пациентов, с минимальной дозой препарата 125–250 мг не более 2 суток введения, и полным восстановлением функции трансплантата. В этих случаях не страдала мочевыделительная функция трансплантата, уровень артериального давления сохранялся на привычных цифрах, не было гипертермии, и других общевоспалительных реакций. Имело место повышение уровня азотистых метаболитов, однако решающее значение имели данные ультрасонографии и доплерографии. У пациентов данной группы за все время наблюдения не отмечали каких-либо токсических эффектов, реакций отторжения и грубой дисфункции трансплантата.

Вышеизложенное позволяет заключить, что использование комбинации «Зенопакс» – «Селлсепт» с момента индукции и в составе базисной иммуносупрессии снижает риск острого отторжения, и позволяет прогнозировать более высокую отдаленную выживаемость трансплантата и больных.

Связь между гипертрофией миокарда левого желудочка у реципиентов аллогенной почки в первые месяцы после трансплантации и видом диализа

Д.А. Жидкова, Н.А. Томилина, Н.Д. Федорова
Кафедра нефрологии МГМСУ, ФГУ «НИИ трансплантологии и искусственных органов»
Росмедтехнологий, г. Москва, Россия

Наиболее частым вариантом патологии миокарда при хронической почечной недостаточности (ХПН) является гипертрофия миокарда левого желудочка (ГЛЖ). ГЛЖ рассматривают как независимый фактор риска смерти больных в условиях заместительной почечной терапии. Частота ГЛЖ достигает 75% к терминальной стадии заболевания и, несмотря на отбор пациентов для выполнения аллотрансплантации почки (ТП), после нее сохраняется высокой, составляя от 40 до 60%.

Цель исследования. Изучить влияние вида диализной терапии на наличие ГЛЖ у реципиентов трансплантированной почки в течение первых шести месяцев после операции.

Материалы и методы. Обследовано 50 реципиен-

тов (м – 63,5%, ж – 36,5%) в возрасте $41 \pm 11,8$ года. Срок после ТП не превышал 6 месяцев, медиана – 2,9 (1,8; 4,4) мес. У 20% больных причиной терминальной ХПН был сахарный диабет. Длительность ХПН составляла от 14 месяцев до 25 лет, (медиана 48 мес. (28; 87)). Продолжительность терапии диализом от 2 до 60 месяцев, медиана – 21 (10; 36) мес. 64% получали лечение гемодиализом (ГД), 36% – перитонеальным диализом (ПД). Отсроченная функция трансплантата (ОФТ) имела место у 48% больных; 28,8% перенесли острые кризы отторжения трансплантата (ОКО). 29% имели сопутствующие сердечно-сосудистые заболевания (КВЗ), 42% – тяжелые инфекции. В 25% случаев у реципиентов функционировала артериовенозная фистула (АВФ). О

функции ренального аллотрансплантата (РАТ) судили по уровню креатинина плазмы крови (Рсг) и скорости клубочковой фильтрации (СКФ), рассчитанной по формуле MDRD. Иммуносупрессия включала комбинацию преднизолона, цитостатика и циклоспорина А. Большинство больных имели артериальную гипертонию, по поводу которой проводили комбинированную терапию (от 2 до 4 препаратов). Выполняли стандартное ЭхоКГ исследование. Массу миокарда ЛЖ оценивали по формуле Американского Общества Эхокардиографии, индекс массы миокарда ЛЖ (ИММЛЖ) рассчитывали как ее отношение к площади поверхности тела. ГЛЖ констатировали при ИММЛЖ ≥ 134 г/м² у мужчин и ≥ 110 г/м² у женщин. Данные анализировали с помощью пакета программ SPSS.

Результаты. ГЛЖ выявлена у 60% реципиентов. Среди пациентов с ГЛЖ лечение ГД проводили в 83% случаев, а без ГЛЖ лишь в 38% ($p = 0,001$). С другой стороны, в подгруппе без ГЛЖ преобладали больные, лечившиеся ПД. При сравнении больных, получавших лечение ГД (группа I) и ПД (группа II) (табл. 1) оказалось, что в группе больных ГД ИММЛЖ составил 143,3 (123; 159) г/м², а в группе ПД – 104 (96; 132) г/м², $p = 0,001$. Обнаружено, что в группе ГД чаще отмечали ОФТ при исключении больных, перенесших ОКО. У пациентов после ГД также чаще имелись сопутствующие инфекционные осложнения. Эти две группы больных различались и по уровням маркеров воспалительного процесса. Так, у больных группы ГД оказались статистически значимо выше уровень ферритина и С-реактивного белка и выявлены более низкие уровни альбумина крови по сравнению с группой ПД. Кроме того, у больных группы I отмечалась тенденция к более высоким показателям Рсг и низким СКФ. При исключении больных с функционирующей на момент обследования АВФ подтверждена более частая встречаемость ГЛЖ у больных после ГД (70% в сравнении с 28% в группе, лечившихся ПД, $p = 0,01$).

Заключение. Полученные нами данные выявили влияние вида диализной терапии на индекс массы миокарда левого желудочка у больных в первые месяцы после ТП. Известно, что у пациентов на ПД реже наблюдается отсроченная функция трансплантата в сравнении с больными, получавшими лечение ГД. Можно предполагать, что в нашем наблюдении преобладание

пациентов ГД в группе с ГЛЖ, связано с более медленным восстановлением функции РАТ и большей частотой инфекционных осложнений у этих больных.

Таблица 1

Параметры	ГД до ТП (группа I) (n = 32)	ПД до ТП (группа II) (n = 18)	Достоверность различий (p)
ГМЛЖ (%)	75%	28%	0,001
Возраст (лет)	42 ± 2,5	40 ± 11,4	Нз
Мужчины (%)	72 %	50%	Нз
Длительность ХПН (мес.)	54 (24; 93)	48 (35; 85,5)	Нз
Длительность диализа (мес.)	24 (14; 36)	19 (9,8; 26)	нз
Отсроч. функция РАТ (%)	50%	15%	0,04
СД (%)	28%	22%	нз
Сопутствующие КВЗ (%)	27,8%	28,1%	нз
Тяжелые инфекции (%)	50%	28%	0,05
Среднее АД (мм. рт. ст.)	105 (96,7; 113,3)	101,6 (95,8; 112)	нз
Креатинин (ммоль/л)	0,15 (0,1; 0,18)	0,11 (0,09; 0,15)	0,052
СКФ (мл/мин/1,73 м ²)	44 (36; 66)	55,3 (39; 80)	нз
Сут. протеинурия (гр.)	0,1 (0,02; 0,23)	0,06 (0,018; 0,23)	нз
Гемоглобин (г/л)	112,5 (101; 124)	113,5 (100; 127)	нз
Ферритин (нг/мл)	184,5 (55; 482)	96 (33,5; 132)	0,03
Альбумины ниже 35 г/л (%)	41%	7%	0,005
α ₂ -глобулины (%)	10,5 (9; 13)	8,75 (8,5; 10)	0,03
γ-глобулины (%)	19 (18; 21)	18 (17; 19)	нз
С-реактивный белок (мг/л)	2,9 (1,2; 9,8)	0,7 (0,4; 1,8)	0,006
С-реактивный белок >8 мг/л	32%	9%	0,05

Динамика гипертрофии миокарда левого желудочка у реципиентов аллогенной почки в первые два года после трансплантации

Д.А. Жидкова, Н.А. Томилина, Г.Е. Гендлин, И.Г. Ким, О.А. Тронина, Н.Д. Федорова
Кафедра нефрологии МГМСУ, ГУ НИИ Трансплантологии и искусственных органов
Росздрава, Кафедра госпитальной терапии № 2 РГМУ, г. Москва, Россия

Гипертрофия миокарда левого желудочка (ГЛЖ) весьма характерна для хронической почечной недостаточности (ХПН) и является независимым фактором риска смерти в терминальной стадии болезни. После аллотрансплантации почки (ТП) ряд патогенетических механизмов ГЛЖ, свойственных ХПН, прекращает свое действие, другие сохраняются и могут даже дополняться новыми факторами. Поэтому после ТП можно

ожидать как регрессию, так и прогрессирование ГЛЖ. Сведения об эволюции гипертрофии миокарда после ТП содержатся лишь в единичных публикациях, выявляющих ее регрессию у части реципиентов, и, главным образом, в течение только первых двух лет после операции.

Цель исследования. Изучить факторы риска прогрессирования/персистирования и возможность

обратного развития ГЛЖ у больных в первые два года после ТП.

Материалы и методы. Обследовано 62 реципиента (м – 40, ж – 22 чел.) в возрасте 39 ± 11 л. Проспективно прослежены динамика эхокардиографических (ЭхоКГ) данных и сопутствующие ей изменения клинко-лабораторных показателей в 4,5 (2; 7) мес. и в 17,5 (11; 23,5) мес. после ТП. 29% пациентов страдали сахарным диабетом; 23% пациентов имели сопутствующие сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ), главным образом, ИБС. О функции ренального аллотрансплантата (РАТ) судили по уровню креатинина плазмы крови (Pcr). Иммуносупрессия включала комбинацию преднизолона, цитостатика и циклоспорина А. Большинство больных имели артериальную гипертензию (АГ), по поводу которой проводили комбинированную терапию (от 2 до 4 препаратов), у 47% больных применяли иАПФ. Выполняли стандартное ЭхоКГ исследование. Массу миокарда ЛЖ оценивали по формуле Американского Общества Эхокардиографии, индекс массы миокарда ЛЖ (ИММЛЖ) рассчитывали как ее отношение к площади поверхности тела. ГЛЖ констатировали при ИММЛЖ ≥ 134 г/м² у мужчин и ≥ 110 г/м² у женщин. Динамикой ЭхоКГ данных считали изменение величин более, чем на 10% от исходного уровня. Данные анализировали с помощью пакета программ SPSS.

Результаты. В начале наблюдения 55% реципиентов имели ГЛЖ, а при повторном исследовании гипертрофия миокарда выявлена лишь в 33,5% случаев ($p = 0,008$). Динамика ИММЛЖ, демографических и клинко-лабораторных параметров в течение прослеженного периода представлена в табл. 1. Все больные были разделены на три группы в зависимости от изменения

ИММЛЖ. У 34% пациентов наблюдали регрессирование ГЛЖ, у 31% ее прогрессирование, а у 35% она отсутствовала на протяжении всего срока наблюдения.

Пациенты без ГЛЖ были моложе, имели менее выраженную АГ как при первом исследовании, так и в последующем. У 73% из этих реципиентов к началу наблюдения применялись иАПФ. Только 4,5% из них имели сопутствующие КВЗ.

Прогрессирование ГЛЖ ассоциировалось с дисфункцией РАТ, АГ и анемией. К концу срока наблюдения Pcr составил 0,2 (0,15; 0,21) против 0,11 (0,08; 0,14) ммоль/л в группе с регрессированием ГЛЖ ($p = 0,027$), а среднее АД было равно 110 (97; 120) против 96,7 (93; 106,7) мм рт. ст., соответственно ($p = 0,023$). Кроме того, прогрессированию ГЛЖ сопутствовали ССЗ (у 47% больных против 14% в группе с положительной динамикой, $p = 0,035$). Положительная динамика ЭхоКГ показателей сочеталась с хорошей функцией трансплантата, нормализацией уровней АД, ростом гемоглобина, повышением уровня альбуминов крови, отсутствием микроальбуминурии. В группе пациентов с регрессированием ГЛЖ выявлено достоверное уменьшение числа больных с функционирующей артериовенозной фистулой (АВФ).

Заключение. Полученные данные подтвердили возможность регрессии гипертрофии миокарда ЛЖ в течение первых 2 лет после ТП. У половины реципиентов, имевших ГЛЖ к моменту пересадки, в течение этого периода нормализовались показатели ИММЛЖ. Регрессии ГЛЖ способствовали стабильная нормальная функция трансплантата, отсутствие АГ, микроальбуминурии, анемии, гипоальбуминемии, сопутствующей ИБС и лигирование АВФ.

Таблица 1

Динамика клинко-демографических и лабораторных параметров в течение первых двух лет после ТП в группах больных с нормальным уровнем ИММЛЖ на всем протяжении наблюдения и с прогрессированием/регрессированием ГЛЖ

Параметры	Без ГЛЖ после ТП, n = 22 (35%)		Прогрессирование/ персистирование ГЛЖ, n = 19 (31%)		Регрессирование ГЛЖ, n = 21 (34%)	
	4,5	17,5	4,5	17,5	4,5	17,5
ИММЛЖ (г/м ²)	103 (80; 110)	94 (71; 100) [#]	152 (122; 164)	159 (146; 191) [*]	148 (129; 167)	112 (92; 133) [#]
Возраст (лет)	$32 \pm 10^*$		$44 \pm 10,8$		42 ± 12	
Сопутств. КВЗ (%)	4,5%		47% [*]		14%	
Функционир. АВФ (%)	32%	18 %	28%	22%	53%	33% [#]
Креатинин (ммоль/л)	0,12 (0,09; 0,14)	0,11 (0,08; 0,15)	0,15 (0,11; 0,2)	0,2 (0,15; 0,21) [*] #	0,11 (0,08; 0,14)	0,11 (0,08; 0,14)
Среднее АД (мм рт. ст.)	105 (96,7; 110)	96,7 (93; 100) [#]	107 (103; 120)	110 (97; 120) [*]	107 (96,7; 110)	96,7 (93; 106,7) [#]
Терапия иАПФ (%)	73% [*]	85,7%	31,6%	61%	33%	55%
Гемоглобин (г/л)	120,5 (100; 140)	129 (114; 137)	120 (100; 130)	120 (110; 130) [*]	120 (102; 129)	130 (124; 154) [#]
Ферритин (нг/мл)	177 (83; 567)	151 (49; 379)	255 (88; 680)	219 (34; 1054) [#]	147 (77; 445)	100 (39; 513)
Суточная протеинурия (мг)	50 (0; 100)	20 (10; 80)	150 (26; 340)	250 (18; 320) [*]	100 (20; 180)	25 (15; 58) [#]
Са общ. (ммоль/л)	2,4 (2,3; 2,5)	2,4 (2,35; 2,5)	2,3 (2,2; 2,4)	2,4 (2,3; 2,4)	2,35 (2,3; 2,47)	2,4 (2,3; 2,44)
P (ммоль/л)	1,2 (0,9; 1,3)	1 (0,9; 1,2)	1,25 (1; 1,4)	1,2 (1; 1,4)	1,0 (0,87; 1,3)	1,0 (0,9; 1,2)
ПТГ (пг/мл)	1135 (48; 171)	73 (51; 123)	147 (105; 215)	110 (95; 135)	110 (75; 184)	90 (63; 113)
Альбумины (г/л)	39,5 (37; 43)	42 (38; 44)	37 (32; 40)	36 (34; 41) [*]	38,5 (33; 40)	40 (36; 41) [#]
C-реактивный белок (мг/л)	1,0 (0,26; 4,4)	0,75 (0,4; 1,4) [*]	2,45 (0,9; 5,8)	1,75 (1,2; 2,58)	1,5 (0,68; 3,15)	1,45 (0,7; 6,4)

В таблице представлены медианы и квартили.

[#] $p < 0,05$ в сравнении с показателями при первом исследовании.

^{*} $p < 0,05$ между группами.

Анализ выживания почечных трансплантатов после первой и повторных пересадок у детей в зависимости от основного заболевания

Е.А. Молчанова, А.Л. Валов

Российская детская клиническая больница, г. Москва, Россия

Трансплантация почки остается терапией выбора у детей с терминальной стадией ХПН. Вместе с тем именно для детского возраста характерно влияние основного заболевания на почечный трансплантат из-за большей частоты быстро-прогрессирующих форм гломерулонефрита и наследственных болезней нарушения метаболизма.

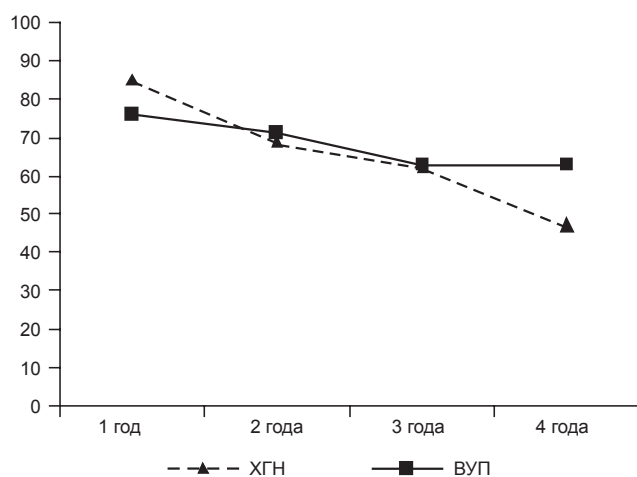
Целью работы стала оценка уровня выживания почечных трансплантатов у детей с различными заболеваниями, приведшими к развитию терминальной стадии ХПН, после первой и повторных пересадок.

Были проанализированы истории болезни 146 детей в возрасте от 7 до 18 лет (средний возраст $14,4 \pm 2,5$ лет), которым в отделении по пересадке почки РДКБ за период с 1990 по 2005 годы было выполнено 176 аллотрансплантаций почки (АТП) от трупного донора. Средний срок наблюдения после операции составил $24,3 \pm 25,1$ мес. Хронический гломерулонефрит (ХГН) был причиной терминальной стадии ХПН у 75 больных (37 мальчиков и 38 девочек). Им было выполнено 87 АТП (74 первых и 13 повторных). Выживание трансплантата у этой группы больных после первой и повторных пересадок мы сравнили с выживанием в группе детей, причиной ХПН у которых стала врожденная урологическая патология (ВУП): 71 больной (39 мальчиков, 32 девочки), 89 АТП (70 первых и 19 повторных). Достоверных различий по среднему возрасту реципиента и донора, среднему числу несовпадений по антигенам системы HLA, среднему сроку консервации органа, среднему количеству кризов отторжения и средней продолжительности

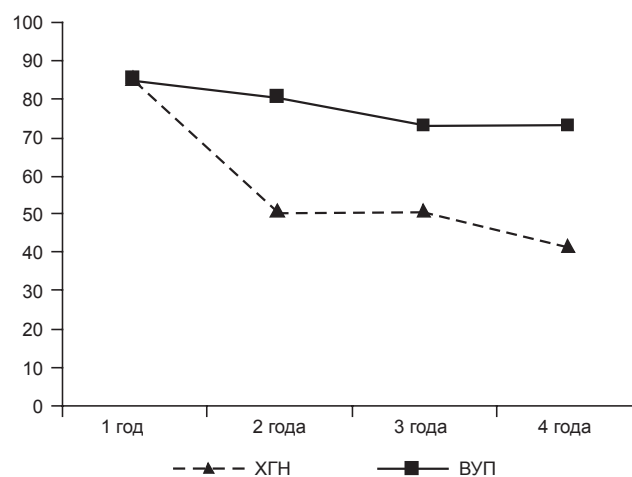
диализной терапии перед операцией между группами не было. Больные обеих групп после пересадки получали трехкомпонентную иммуносупрессивную терапию Циклоспорином А, Преднизолоном и Азатиоприном или СеллСептом.

Результаты сравнения уровней выживания представлены на рис. 1, 2. Как видно из рис. 1, через 1 год после первой пересадки выживание трансплантатов в группе детей с ХГН выше, чем в группе с ВУП, и различие это достоверно (85 и 76% соответственно, $p < 0,05$), через 2 и 3 года эти показатели становятся практически одинаковыми, а через 4 года, в то время как выживание трансплантатов в группе больных с ВУП остается прежним, в группе с ХГН оно достоверно снижается (63 и 47% соответственно, $p < 0,05$). Иная картина наблюдается при повторных АТП (рис. 2). При одинаковом выживании трансплантатов через 1 год после операции, начиная со 2-го года, выживание трансплантатов в группе ХГН снижается быстрее, чем у детей с ВУП, причем, если через 2 года эта разница недостоверна ($p > 0,05$), то в последующие годы она становится достоверной и составляет через 4 года 37% против 71% у детей с ВУП.

Таким образом, у детей с ХГН выживание трансплантатов достоверно ниже, чем у детей с ВУП, причем, если после первой пересадки это различие появляется только в отдаленные сроки (после 3 лет), то после повторных операций уровень выживания пересаженной почки в группе детей с ХГН по сравнению с детьми с ВУП ухудшается уже через 1 год после трансплантации, и его отличие более выражено.

Рис. 1. Выживание трансплантатов у детей с ХГН и ВУП после первой пересадки почки

Рис. 2. Выживание трансплантатов у детей с ХГН и ВУП после повторной пересадки почки

Функция надпочечников и углеводный обмен у больных после трансплантации почки в раннем и отдаленном послеоперационном периоде

Е.И. Прокопенко, Р.С. Тишенина, Е.О. Щербакова, А.В. Ватазин, С.Ю. Гулимова, Е.Г. Бородина, А.И. Миненкова
МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского, г. Москва, Россия

Совершенствование иммуносупрессивной терапии после трансплантации почки (ТП) привело к значительному увеличению сроков выживаемости реципиентов и трансплантатов. Однако сердечно-сосудистые и гормонально-метаболические нарушения после операции ТП сохраняются, а в ряде случаев даже усугубляются, что во многом обусловлено побочными эффектами иммуносупрессивных препаратов. Нарушения липидного обмена и обмена углеводов (посттрансплантационный сахарный диабет – ПТСД) способствуют прогрессированию сердечно-сосудистых заболеваний, которые являются основной причиной смерти больных с функционирующим почечным трансплантатом.

Целью данного пилотного исследования было выявление и оценка основных гормонально-метаболических нарушений у больных после ТП в раннем и отдаленном послеоперационном периоде. Обследовано 14 реципиентов ренального трансплантата (РТ) – 7 мужчин и 7 женщин. Средний возраст больных на момент обследования составил $43,7 \pm 2,9$ лет. Основной причиной терминальной ХПН был хронический гломерулонефрит (11 больных). В раннем (до 3 месяцев после ТП) послеоперационном периоде обследовано 8 пациентов (группа 1); в отдаленные сроки после операции (позднее 3 месяцев после ТП) – 6 больных (группа 2). Протокол базисной иммуносупрессии включал циклоспорин А, микофенолаты и преднизолон в стартовой дозе 30 мг/сут с постепенным снижением до 10 мг/сут к шести месяцам после операции. Проводили индукционную терапию даклизумабом или базиликсимабом. Взятие крови осуществляли натощак в утренние часы. В плазме изучали содержание АКТП, активность ренина, содержание холестерина, триглицеридов; в сыворотке – дигидроэпиандростерона сульфата (ДГЭА-с), кортизола, альдостерона, глюкозы, инсулина, С-пептида, фруктозамина; в гемолизате крови – гликированный гемоглобин (HbA1c). В суточной моче определяли свободный кортизол.

У всех больных почечный трансплантат функционировал, функция его была нормальной или слегка сниженной. Никто из пациентов не нуждался в заместительной почечной терапии. Несмотря на отсутствие разницы между группами при исследовании концентрации АКТП (медиана для 1 группы 3,1, для второй – 2,5 пмоль/л, $p = 0,464$), уровень регулируемых им стероидных гормонов коры надпочечников у больных 2-й группы оказался значительно ниже, чем у пациентов 1-й группы: кортизол 43 против 164 нмоль/л, $p = 0,121$; ДГЭА-с 0,56 против 2,1 мкмоль/л, $p = 0,008$; альдостерон 0,24 против 1,47 нмоль/л соответственно, $p = 0,01$. В отличие от 2-й группы, в которой уровень ДГЭА-с и кортизола

в крови был снижен у всех пациентов, в первой группе обнаружены значительные колебания этих показателей. Суточная экскреция свободного кортизола с мочой почти у всех больных была в пределах нормы, однако прослеживается тенденция к снижению его экскреции у больных второй группы по сравнению с первой – 111 против 213 нмоль/л/сутки, соответственно. Активность ренина плазмы не отличалась от нормы и не различалась между группами.

У обследованных нами пациентов ПТСД возник у 3 больных – у 2 в раннем послеоперационном периоде и у 1 – в отдаленные сроки после АТПП. Несмотря на нормальный уровень глюкозы в крови, у больных обеих групп содержание фруктозамина, отражающего усредненный уровень колебаний глюкозы за предшествующие 2 недели, оказалось повышенным у всех больных: в 1-й группе – 308 (259–352), во 2-й – 328 (286–421) по сравнению с верхней границей нормы у здоровых лиц – 285 мкмоль/л. Другой показатель – HbA1c, отражающий усредненный уровень колебаний глюкозы за предшествующие 2–3 месяца, у 11 из 14 больных также был повышен. Содержание инсулина в крови в обеих группах было в пределах нормы, и достоверных различий между группами не выявлено. В отличие от инсулина, средние показатели С-пептида были выше нормальных, и отмечался значительный их разброс. Коэффициент С-пептид/инсулин у больных после ТП был выше (в среднем 1-я группа – 31, 2-я группа – 24,5), чем у здоровых (3,8–6,8). Повышенный уровень С-пептида и высокий коэффициент С-пептид/инсулин у больных с РТ не отражают истинное повышение функции β -клеток поджелудочной железы, а являются, по-видимому, проявлением нарушения процессов метаболизма С-пептида в почечном трансплантате. Гиперхолестеринемия отмечена у всех обследованных (медиана в 1-й группе 6,3 ммоль/л, во 2-й группе – 5,9 ммоль/л), за исключением одной пациентки, а гипертриглицеридемия установлена у 5 из 14 больных. Межгрупповых различий для этих показателей не выявлено.

Таким образом, у реципиентов РТ выявлены нарушения углеводно-липидного обмена и снижение функции надпочечников. На фоне нормальных базальных уровней глюкозы и инсулина в крови содержание фруктозамина, HbA1c и особенно С-пептида было повышенным почти у всех пациентов. Повышение уровня С-пептида отражает, вероятнее всего, нарушение метаболизма этого гормона в почечном трансплантате. Медикаментозная надпочечниковая недостаточность более выражена у больных в отдаленные сроки после трансплантации почки, несмотря на использование более низких доз преднизолона, по сравнению с больными в раннем послеоперационном периоде.

Результаты аллотрансплантации почки по данным Свердловской областной клинической больницы № 1

А.Г. Столяр, Л.Н. Будкарь, В.Б. Злоказов, Б.В. Фадин, И.Ю. Серебряков, И.Г. Лещенко, Е.В. Стороженко, Е.И. Борецкая, С.В. Чужин, Л.В. Соломатина
ГУЗ «Свердловская областная клиническая больница № 1»,
Медицинский научный центр, г. Екатеринбург, Россия

Актуальность. Совершенствование заместительной почечной терапии (ЗПТ) приводит к увеличению продолжительности жизни пациентов с терминальной почечной недостаточностью (ТХПН). Аллотрансплантация почки (АТП) рассматривается как оптимальный метод ЗПТ, так как увеличивает выживаемость больных в большей степени, чем перитонеальный и гемодиализ, являясь при этом более предпочтительным методом с экономической точки зрения.

Цель исследования. Провести анализ результатов АТП по данным ГУЗ «Свердловская областная клиническая больница № 1» г. Екатеринбурга.

Материал и методы. Проанализированы отдаленные результаты АТП за период 16 лет (1990–2006 гг.). С 1990 по 2006 годы произведено 242 операции. В наблюдавшейся группе реципиентов ренальных аллотрансплантатов (РАТ) было 160 мужчин (66%), 82 женщины (34%). Возраст пациентов колебался в диапазоне от 12 до 58 лет, в среднем составляя 37 лет. Иммуносупрессивная терапия (ИМСТ) состояла из циклоспорина + преднизолона + азатиоприна (группа 1) и циклоспорина + преднизолона + микофенолата (группа 2). Для статистической обработки материала применяли метод построения таблиц жизни, кривых выживаемости и оценок Kaplan-Meier (пакет прикладных программ SPSS, версия 11,0).

Результаты. При анализе выживаемости пациентов после операции АТП, выяснилось, что однолетняя кумулятивная выживаемость больных после трансплантации почки составила 75%, пятилетняя – 64%, десятилетняя – 49%, шестнадцатилетняя (к концу срока наблюдения) – 46%. Срединное время выживания пациентов (СВВП) было 124 мес. (более 10 лет). В течение 6 мес. после АТП отмечалось максимальное значение риска смерти (0,035). Анализ выживаемости РАТ показал, что однолетняя кумулятивная выживаемость трансплантатов составила 67%, пятилетняя – 50%, десятилетняя – 38%, шестнадцатилетняя (к концу срока наблюдения) – 30%. Срединное время выживания РАТ (СВВРАТ) равнялось 79 мес. (более 6,5 лет). Максимальный риск потери РАТ составил 0,0575 также в течение первого полугодия после операции.

Анализ структуры причин смерти показал, что 28% пациентов (21 человек) погибло от инфекций. Наибольшее число фатальных инфекций составили цитомегаловирусные (ЦМВ) пневмонии (10 человек – 47,6%). 20 пациентов (26%) умерли от кардиоваскулярной патологии (КВП). Остальные причины смерти составили 25% (20 человек). В 14 случаях (18%) причина смерти осталась неизвестной. Проведенный анализ структуры причин потерь РАТ показал, что наибольшее

их количество было связано со смертью пациентов с функционирующим трансплантатом (СФТ) – 43 случая (41%). Анализ структуры СФТ показал ее аналогичность со структурой летальности. Далее в структуре потерь РАТ следовали хроническая трансплантационная нефропатия (ХТН) – 26 наблюдений (24%) и острое отторжение – 14 случаев (13%). Кроме этого, отмечались и другие причины потерь РАТ (24 случая, 22%).

Проведен сравнительный анализ выживаемости пациентов и РАТ в зависимости от типа ИМСТ (группы 1 и 2). Для 1 группы выживаемость реципиентов составила: однолетняя – 62%, пятилетняя – 48%. СВВП при этом было 59 мес. (около 5 лет). Для 2 группы однолетняя выживаемость реципиентов составила 83%, а пятилетняя – 80%. СВВП при этом было 92 мес. (7,7 лет). Сравнительный анализ кривых выживаемости реципиентов РАТ показал их достоверное различие в соответствии со статистикой Wilcoxon-Gehan ($p=0,0001$), продемонстрировав лучшие показатели выживаемости для пациентов 2 группы. Выживаемость трансплантатов больных 1 группы составила: однолетняя – 55%, пятилетняя – 38%. СВВРАТ было 36 мес. (3 года). Выживаемость РАТ пациентов 2 группы составила: однолетняя – 75%, пятилетняя – 65%. СВВРАТ при этом было 84,00+ мес. (более 7 лет). Показано достоверное улучшение выживаемости РАТ пациентов 2 группы по сравнению с трансплантатами 1 группы ($p=0,0008$, Wilcoxon-Gehan). В структуре смертности больных 1 группы основной причиной летальных исходов была КВП, составлявшая 28%. При использовании в протоколе ИМСТ (2 группа) микофенолатов КВП как причина смерти оказалась на втором месте, составив 21%. Основной причиной смерти среди больных 2 группы были инфекции (50%).

Выводы. Анализ результатов операций АТП, проведенных на базе ГУЗ «СОКБ № 1» г. Екатеринбурга за 16 лет, показал, что к концу данного срока наблюдения выживаемость пациентов составила 46%, а выживаемость РАТ – 30%. Срединное время выживаемости пациентов при этом достигло 124 мес. (более 10 лет), а срединное время выживаемости РАТ 79 мес. (более 6,5 лет). Максимальный риск потери пациентов и РАТ отмечался в первое полугодие после АТП. Основными причинами смерти пациентов явились инфекции и КВП. Ведущей причиной потери РАТ выступила смерть пациента с функционирующим трансплантатом. Совершенствование протокола ИМСТ в виде замены азатиоприна на микофенолаты привело к улучшению результатов АТП. Увеличения числа потерь больных в связи с инфекциями, а именно ЦМВ-пневмониями, требует усиления мер по предупреждению данных осложнений.

Взаимосвязь артериальной гипертензии и хронического отторжения трансплантата у пациентов после пересадки почки

О.А. Тронина¹, А.И. Странгуль¹, Г.Е. Гендлин¹, Г.И. Сторожаков¹, И.Г. Ким², Д.А. Жидкова²

¹ Кафедра госпитальной терапии № 2 ГОУ ВПО РГМУ Росздрава РФ, ГКБ № 12,

² МГНЦ, ГКБ № 52; г. Москва, Россия

У больных после аллотрансплантации почки (АТП) четкую связь между артериальной гипертензией (АГ) и прогнозом проследить удается не всегда. Возможно, это связано с тем, что у реципиентов почечного трансплантата (РПТ), повышение АД выявляется более чем в 50%, а по данным ряда авторов до 85% случаев. В то же время, результаты ряда исследований показали, что повышение АД даже в пределах нормальных значений оказывает неблагоприятное воздействие на выживаемость трансплантатов. Считается, что АГ с трансмиссией системной гипертензии на клубочковый кровоток, в сочетании с уменьшением массы действующих нефронов, приводят к повышению внутриклубочкового давления с гиперфильтрацией и гипертрофией функционирующих нефронов. Полученные данные позволили авторам рассматривать АГ не только как один из механизмов хронического отторжения трансплантата (ХОТ), но и как его предиктор. В отдельных работах было показано, что результаты суточного мониторирования (СМАД) теснее коррелируют с показателями геометрии левого желудочка (ЛЖ) и имеют большее прогностическое значение, чем цифры офисного АД.

Нами обследовано 102 пациента в различные сроки после АТП. Из них 62 мужчины, медиана возраста которых составила 45 лет (максимум 66 лет и минимум 19), и 40 женщин – медиана возраста 46 лет (от 24 до 61 года). Максимальный срок после пересадки составил 235 месяцев (20,5 лет), минимальный – 7 месяцев (медиана у мужчин 48 мес., у женщин 48,5).

Эхо-кардиографическое исследование проводили всем больным на аппарате SEQUOYA – 512 (ACUSON, USA) в В- и М-режимах фазовым датчиком 3,5 мГц. Суточное мониторирование артериального давления проводили на приборе ТМ – 2421 компании Эй Энд ДИ, Япония. Обработку данных осуществляли программой EZ Doctor. Статистическую обработку результатов проводили с помощью программы Statistica 6.0. Определяли медиану, квартили, минимальное и максимальное значение, для сравнения переменных использовали непараметрический критерий Манна-Уитни. Различия считали достоверными при $p < 0,05$. Взаимосвязь переменных оценивали по коэффициенту корреляции Спирмена.

У мужчин медиана офисного САД составила 135 мм рт. ст. (от 100 до 220 мм рт. ст.) и ДАД 80 мм рт. ст. (от 60 до 120), у женщин, соответственно, 140 мм рт. ст.

(от 100 до 180 мм рт. ст.) и 80 мм рт. ст. (от 65 до 100). Наиболее часто обследованные нами мужчины после АТП относились к группе с высоким нормальным АД (30%), а также имели мягкую (15%), умеренную (15%), или изолированную систолическую (19%) АГ. В целом мы констатировали наличие АГ у 52% мужчин. Среди женщин процент гипертоников был выше (61%) и чаще встречались также мягкая (19%), умеренная (15%) и изолированная систолическая (22%) АГ. Оптимальное АД диагностировано лишь у 13% женщин и 10% мужчин.

По данным СМАД мы констатировали наличие АГ у 81% мужчин и у 60% женщин после АТП. У большинства обследованных нами РПТ степень ночного снижения АД была недостаточной и к прогностически неблагоприятным группам «нон-дипперов» и «найт-пикеров» относились в общей сложности 84% мужчин и 92% женщин для САД и 74% мужчин и 71% женщин для ДАД.

Мы разделили пациентов на 2 группы – с ХОТ и без него. Эти две группы достоверно различались по уровню креатинина крови ($p < 0,001$). У женщин после АТП с наличием ХОТ достоверно выше были цифры как систолического (160, от 100 до 80 мм рт. ст.) против 135 (110–180, $p < 0,01$), так и диастолического офисного АД (90, 70–100) против 80 (65–100, $p < 0,05$). Кроме того, в двух группах значимо различались некоторые показатели СМАД (среднее САД в течение суток $p < 0,01$, ИИСАД в ночные часы $p < 0,05$, минимальное ночное ДАД, $p < 0,05$).

При разделении обследованных мужчин после АТП на группы с ХОТ и без него мы выявили различия по двум показателям СМАД – индексу измерений ДАД в ночные часы ($p < 0,05$) и индексу площадей ДАД в ночные часы ($p < 0,05$).

Таким образом, АГ в нашем исследовании была частой патологией после АТП, что согласуется с литературными данными. Нам удалось подтвердить наличие связи хронического отторжения трансплантата с цифрами офисного АД у женщин и некоторыми показателями СМАД у пациентов обоих полов. С одной стороны это говорит о том, что потеря функции трансплантата, вероятно, может приводить к развитию АГ. В то же время, повышение АД может способствовать инициации и прогрессированию ХТН, развитию гломерулосклероза. Полученные результаты позволяют предположить, что адекватная коррекция АД может способствовать замедлению темпов прогрессирования ХОТ.

Особенности артериальной гипертензии у реципиентов почечного трансплантата в сравнении с больными эссенциальной гипертензией

О.А. Тронина, А.И. Странгуль, Г.Е. Гендлин, Г.И. Сторожаков
Кафедра госпитальной терапии №2 ГОУ ВПО РГМУ Росздрава РФ,
ГКБ №12, Москва, Россия

Патология сердечно-сосудистой системы доминирует в структуре осложнений после аллотрансплантации почки (АТП) и является основной причиной смерти реципиентов почечного трансплантата (РПТ). Одним из важных факторов риска развития сердечно-сосудистой патологии после АТП является наличие артериальной гипертензии (АГ). Причины АГ у РПТ разнообразны и включают в себя побочные эффекты кортикостероидов и циклоспорина, активацию РААС пересаженной и своих почек, стеноз артерии трансплантата и его дисфункции, а также ряд других. Различные причины реализуют свой прогипертензивный эффект через различные механизмы.

Нами обследовано 99 пациентов после АТП – 59 мужчин (45 лет, от 19 до 59) и 40 женщин, (46 лет, от 24 до 61). Медиана срока после пересадки у мужчин 48 мес., у женщин 48,5 мес. Группу сравнения составили 64 пациента с эссенциальной гипертензией (медиана 49 лет, от 28 до 51). Разница в возрасте была незначительной.

Стандартное эхо-кардиографическое (Эхо-КГ) исследование проводили всем больным на аппарате SEQUOYA-512 (ACUSON, USA) в В- и М-режимах фазовым датчиком 3,5 мГц. Диастолическую функцию левого желудочка (ЛЖ) определяли с по отношению пиков скоростей в трансмитральном потоке $V_E \setminus V_A$. Дополнительно рассчитывали такой показатель как фракция расслабления (ФР) – отношение разницы объема ЛЖ за первую треть диастолы и его систолического объема к объему за первую треть диастолы. Суточное мониторирование артериального давления (СМАД) проводили на приборе TM-2421 компании Эй Энд ДИ, Япония. Обработку данных осуществляли программой EZ Doctor. Статистическую обработку результатов производили с помощью программы Statistica 6.0. Определяли медиану, квартили, минимальное и максимальное значение, для сравнения переменных использовали непараметрический критерий Манна-Уитни. Различия считали достоверными при $p < 0,05$.

У мужчин после АТП медиана офисного САД составила 135 мм рт. ст. (от 100 до 220) и ДАД 80 мм рт. ст. (от 60 до 120), у женщин, соответственно, 140 мм рт. ст. (100–180) и 80 мм рт. ст. (65–100). Наиболее часто обследованные нами мужчины после АТП относились к группе с высоким нормальным АД (30%), а также имели мягкую (15%), умеренную (15%), или изолированную систолическую (19%) АГ. В целом, мы констатировали наличие АГ у 52% мужчин. Среди женщин процент гипертензивных был больше (61%) и чаще встречались также мягкая (19%), умеренная (15%) и изолированная систолическая (22%) АГ. Оптимальное АД диагности-

ровано лишь у 13% женщин и 10% мужчин. По данным СМАД мы констатировали наличие АГ у 81% мужчин и у 60% женщин после АТП.

У пациентов обоих полов индексы, характеризующие нагрузку на органы мишени как систолического, так и диастолического АД в течение суток, превышали нормальные значения ($< 25\%$). При этом, если в дневные часы значения приближались к допустимым, то в ночные часы мы выявили многократное превышение установленных нормативов. Учитывая наличие тенденции к преобладанию ночной гипертензии у наших больных, особый интерес представляло исследование суточного профиля АД. Большинство РПТ по степени ночного снижения АД относились к прогностически неблагоприятным группам «нон-дипперов» (61% мужчин и 49% женщин для САД и 58% и 37% соответственно для ДАД) и «найт-пикеров» (23% и 43% для САД и 16% и 34% для ДАД).

При проведении сравнительного анализа в группах пациентов с гипертонической болезнью (ГБ) и после АТП мы не выявили достоверных различий в показателях, характеризующих геометрию и систолическую функцию ЛЖ. Мы обратили внимание на более высокие цифры индекса массы миокарда ЛЖ (ИММЛЖ) у больных после АТП (137,2 г/м², 68–264), по сравнению с пациентами с ГБ (129,6 г/м², 66–307), однако эта разница не была достоверной. При этом обращал внимание тот факт, что гипертрофия миокарда ЛЖ у РПТ была диагностирована нами на фоне более низких, по сравнению с пациентами ГБ, цифр АД. Наибольшая достоверность была получена при сравнении показателей, характеризующих степень ночного снижения АД (1,8, от –21 до 18,9) у РПТ и 9,17 (от –7,8 до –31,3) у пациентов с эссенциальной гипертензией, $p < 0,0001$. Показатели, характеризующие диастолическую функцию ЛЖ (отношение $V_E \setminus V_A$ и фракция расслабления), в двух группах достоверно не различались.

Таким образом, АГ является частой патологией у РПТ и по данным офисных измерений встречается у 52% мужчин и 63% женщин. По данным СМАД повышение АД у мужчин выявляется чаще – в 81% случаев. Большинство РПТ относятся к неблагоприятным группам нон-дипперов и найт-пикеров. ГМЛЖ и диастолическая дисфункция ЛЖ может выявляться у пациентов после АТП при более низких цифрах как офисного, так и среднего по данным СМАД по сравнению с больными ГБ.

Учитывая высокую частоту ночной гипертензии у реципиентов почечного трансплантата, в том числе при нормальных цифрах офисного АД, больным после АТП показано введение СМАД в протокол рутинного обследования.